

Культура. - 2000 - 31 авг. - 6 сент. - с. 9

Гитлер умер, и я себя плохо чувствую

“Вышка Чикатило” М.Волохова в постановке А.Житинкина

Один из самых коммерческих режиссеров Андрей Житинкин поставил свой самый некоммерческий спектакль. Его столичная жизнь начнется с нового сезона. Для реализации независимого проекта Житинкин выбрал никому неизвестную пьесу некоммерческого драматурга Михаила Волохова “Вышка Чикатило” и пригласил на главную и единственную роль молодого артиста Даниила Страхова. По правилам игры спектакль был сыгран в интеллигентном месте – Музее Маяковского – без привычного ажиотажа со стороны неумолимых поклонниц режиссера и сразу же получил широкую известность в узких кругах.

После премьеры в Москве “Вышка Чикатило” тихо, без шума уехала в Париж, где и игралась на нескольких театральных площадках.

Когда-то давно Волохов написал пьесу “Игра в жмурики” об одинаково искалеченном совковой действительностью сознании двух разных людей. Житинкин дал сочинению плоть и кровь, превратив его в современную драму жизни. “Вышка Чикатило” датирована автором 1994 – 2000 годами, и в ней много мотивов из “Игры в жмурики”, но еще больше оказалось претензий на осмысление того, что невозможно осмыслить.

Волохов начинает свою пьесу со слов Чикатило: “Морали нет – есть правда на земле” – и самым безжалостным образом отправляет читателя к пушкинскому Сальери с его знаменитым: “...нет правды на земле. Но правды нет – и выше”. Этот обескураживающий авторский пассаж невольно заставляет биться над разгадкой: кем себя считает Волохов и кто же его Чикатило? Однако конвульсивное биение мысли, вызванное первой строкой сочинения, довольно кратковременно. Ибо драматург обрушивает на читателя такой словесный водопад, что вопрос, кто есть кто, отпадает сам собой и начинается процесс постижения заявленных Волоховым истин. Первая: что нет морали, вторая: что есть правда.

Морали действительно нет. Во всяком случае в пьесе ее обнаружить не удалось. И дело не в том, что “Вышка Чикатило” сплошь состоит из ненормативной лексики.

Сегодня этим никого не удивишь, да и герой-маньяк, заключенный в камеру смертников, имеет полное право изъясняться на привычном ему языке. Проблема заключается в замысле Волохова, сделавшего реально существовавшего насильника и убийцу пятидесяти двух человек героем пьесы. По Волохову история человечества – это история кровавых убийств самого разного масштаба. Мысль, прямо скажем, далеко не нова. И чтобы придать ей новизны, автор выставил Чикатило философом, сочинившим теорию, оправдывающую его убийства и уходящую корнями чуть ли не к сотворению мира. Ну а дальше все просто: в ход пошли решительно все исторические персонажи от Каина до Гитлера, от царя Бориса до отца всех народов, от убиенного отрока Димитрия до расстрелянного Мейерхольда, от казенных декабристов до убитого на дуэли Пушкина. Словом, все, кому пришлось умереть не своей смертью, пошли у драматурга в дело. В этой обширной компании герой приходит к мысли, что российская государственность – самая чудовищная из всех существующих. Он, Чикатило, всего-то полсотни на тот свет отправил, и то из лучших побуждений: чтобы не жили в нечистотах.

Волохов подталкивает читателя к неминуемому выводу: породил Чикатило советский строй – самое гнусное извращение человечества на земле. Вот вам и мораль, вот вам и правда. И все бы было ничего, если бы не реальная “историческая ценность” прототипа. Между Чикатило и, к примеру, Сталиным такая же разница, как между кочергой и романом Достоевского “Бесы”.

Почувяв неладное в пьесе, опытный Андрей Житинкин предпринял хитрый режиссерский ход: он всеми возможными способами лишил своего героя признаков конкретного человека, но оставил ему возможность быть абстрактным, хотя и вполне живым воплощением “чикатилиной теории”. Никакой индивидуализации характера, никаких проявлений человеческой сущности героя. Даниил Страхов умело вписался в режиссерский замысел. Перед зрителями возник бесстрастный преподаватель, уверенной

Фото И. ЛАВРИНОЙ

Д.Страхов в спектакле “Вышка Чикатило”

рукой пишущий на школьной доске имена великих поэтов, кровавых диктаторов и своих жертв. Чикатило дает хорошо подготовленный, почти отрепетированный урок. Но невозмутимость и твердые убеждения постепенно исчезают. Эффект разоблачения, обнажения сущности героя на протяжении всего действия достигается актером прежде всего через то, как актер говорит, а не тем, про что он толку-

ет. Житинкин и Страхов нашли для спектакля единственно возможный в искусстве нравственный выход: в финале Чикатило жалок и ничтожен. Он уже не проповедует, он закликает самого себя в том, что был прав. Но неубедительность его интонации гораздо красноречивее его слов.

Жанна ФИЛАТОВА